

К вопросу о вхождении Западного Приуралья в состав
Московского государства (вторая половина XVI – XVII вв.)

Р.Р. Исхаков

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

В публикации дается ретроспективный анализ интеграции территории Западного Приуралья в состав Московского государства во второй половине XVI–XVII вв. Автор приходит к выводу, что присоединение данной территории и населяющих ее народов имело сложный, многовекторный характер и заняло продолжительное время. Сам этот процесс рассмотрен как постепенное расширение военно-административной инфраструктуры Русского государства на восток и включение местного населения в систему ясачного обложения.

Ключевые слова: Западное Приуралье, башкирцы, Уфа, Закамская черта, ясак

Для цитирования: Исхаков Р.Р. К вопросу о вхождении Западного Приуралья в состав Московского государства (вторая половина XVI – XVII вв.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №4. С.18–34. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.18-34>

Интеграция Приуралья в состав Московского государства и признание местным населением русского подданства имели сложный, многовекторный характер и заняли довольно продолжительное время. Эти процессы были тесно связаны с расширением русской колонизации, а также военно-бюрократической инфраструктуры и его продвижением на восток. Нельзя согласиться с представленным в башкирской историографии взглядом на данное явление как на единовременный акт добровольного подчинения башкирских племен и родов власти Москвы, сопровождавшийся соглашением самодержца и его новых подданных. Так, в третьем томе коллективной монографии «История башкирского народа» можно прочесть, что фактическое присоединение территории Приуралья к Московскому государству произошло в 1554–1557 гг. Переговоры об особых правах башкирцев с царским наместником в Казани сначала вели представители северо-западных племен, затем юго-восточные и восточные племена башкир. В 1557 г. состоялось посольство в Москву, где завершились переговоры с русскими властями, и башкиры получили жалованные грамоты от царя Ивана IV [20, с.44–58].

На чем основываются эти тезисы? Косвенные сведения об этом содержатся в башкирских шежере (родословных). В них, в частности, отмечается, что башкирам от царя Ивана IV были дарованы грамоты на вотчины, в «башкирские жилища» посылались «переписчики» для установления норм ясачной повинности и описания земли [25, с.29]. Но эти данные не находят подтверждения

в русских источниках рассматриваемой эпохи. Нужно учитывать, что башкирские шежере – специфические источники, составленные преимущественно в XIX – начале XX в. на основе народных преданий и фольклора. Как и в других источниках, сконструированных на основе народной исторической памяти, в шежере фиксируются «хронологические наложения» событий разных эпох. В связи с этим при анализе содержащейся в них информации требуется критический подход. Сложно допустить, что еще до строительства Уфимской крепости и появления в крае царской администрации было возможно проведение такой сложной операции, как описание земель на огромной территории Приуралья. В данном случае, факты, приводимые в шежере, могут относиться к более позднему времени.

Единственным прямым документальным свидетельством, подтверждающим правовые отношения между московскими властями и населением Приуралья в период правления Ивана IV, является Никоновская летопись, согласно которой весной 1557 г. казанский воевода Шуйский сообщил в Москву о том, что жители Казанского ханства окончательно признали власть русского царя, а также к нему в Казань «башкирцы пришли, добив челом и ясак поплатили» [24, с.282].

Из данного сообщения нельзя сделать однозначного вывода о том, кем были эти башкирцы, кого они представляли и какой ясак заплатили. Факт оплаты ясака действительно свидетельствует о том, что данная группа ясачного населения вошла в подданство московского царя. Сама эта процедура, наряду с выплатой ясака, должна была сопровождаться принесением шерти, то есть присяги новому правителю. При этом в приведенном отрывке из летописи не говорится о каких-то переговорах и поездке башкирского посольства в Москву.

Кто же были эти башкирцы? Как известно, в состав Казанского ханства входили Беловожская и Башкирская земля (улусы), локализовавшиеся на территории Приуралья. Факт подданства народов этого региона казанским ханам сохранился и в народной памяти. Как отмечает Р.Г. Кузеев, у жителей башкирских поземельных волостей были зафиксированы предания о том, что их предки в период Казанского ханства платили ясак в Казань. Именно выплата «казанского» ясака являлась одним из ключевых маркеров определения границ влияния данного государства. Исходя из этого показателя, можно сделать вывод, что в период своего могущества Казанское ханство контролировало территорию практически до среднего хребта гор Южного Урала. На севере граница проходила по рекам Сылва и Ирень [26, с.64], на юге – истока р.Ик. Как в Закамье, так и в Приуралье фиксируются территории «двойного подчинения», где наряду с казанцами ясак собирали представители Ногайской Орды и Сибирского ханства. После падения Казани Иван IV, став «Царем Казанским», приобрел статус правопреемника казанских ханов-чингизидов, законного правителя для всех жителей бывшего Казанского ханства, в том числе и для части ясачного населения Приуралья, обозначавшегося в русских источниках как «башкирцы». Взятие Казани, как фактора легитимизации права русского царя на земли ханства, нашло отражение в фольклоре народов Приуралья. Так, в шежере племени юрматы отмечалось: «В год мыши, на второй день

октября русские взяли город Казань. После этого Белый бий (т.е. русский князь. – *Р.И.*) стал падишахом (т.е. царем. – *Р.И.*)» [6, с.44].

Само обозначение «башкирец» в русских источниках имело эндонимическое содержание – Московское государство, выделяя ясачное население Приуралья, маркировало его по географическому принципу. Часть территории Приуралья, вошедшая в конце XVI в. в состав Уфимского уезда, с периода раннего средневековья была известна как земля «бастарков», заволжских мадьяр («баскарды/паскатиры»). Несмотря на то, что в период монгольского нашествия местное угорское население было переселено или подверглось культурно-языковой окультурации, данная историко-культурная область продолжала именоваться Баскардией/Башгард/Башкирией. В русских источниках Башкирская земля (улус Казанского ханства) начинает фиксироваться в летописях XV в. Упоминание «Башгирдии» отмечается и в русских источниках XVI в. [5, с.12]. Соответственно, и местное ясачное население вне зависимости от этнокультурной принадлежности согласно сложившейся традиции маркировалось как башкирцы.

Данная традиция сохранялась и после учреждения Уфимского уезда (конец XVI в.). Как справедливо пишет Г.Х. Самигулов, в рамках практически каждого уезда Приуралья и Западной Сибири «существовало унифицированное обозначение ясачного населения [...] Так ясачное население Уфимского уезда называлось “башкиры”, а служилое “тарханы”. Ясачные люди Верхотурского уезда называли вогулами вне зависимости от того, на каком языке они разговаривали и какую религию исповедовали. А в Тобольском и Тюменских уездах были ясачные, служилые и захребетные татары» [26, с.64]. В условиях, когда ясачное население обозначалось в зависимости от принятой в данном уезде традиции, встречались примеры, когда представители одного этнокультурного сообщества могли быть разделены на «башкирцев», «татар» и «вогул». Например, представители племени терсяк, проживавшие на территории Тюменского уезда, назывались татарами, в Уфимском уезде – башкирцами, в Верхнетурском уезде – вогулами [26, с.74]. Схожая ситуация имела место и на территории Среднего Поволжья, в Казанском и Свияжском уездах, где представители ясачного населения из числа татар и чувашей, а также отчасти южных удмуртов в русских документах фиксировались как «ясашная»/ «казанская» «чуваша».

Обозначение ясачных людей могло меняться в случае их переезда на территорию других уездов. Так, если по каким-то причинам «башкирец» выезжал на жительство за пределы Уфимского уезда, он уже переставал фиксироваться как представитель данной социальной группы. Например, башкирец Мамсяк Елкачин с сыном Кузаем, имевшие в Дуванейской волости «Елкичинскую вотчину», перейдя на территорию Кунгурского уезда и поселившись в Карьевской четверти, там уже именовались «ясачными татарами» [10, с.18]. Такую же картину можно наблюдать с башкирцами, выезжавшими в Казанский уезд. Здесь они обозначались как ясашная/ казанская чуваша. Приведем один пример. 21 июля 1622 г. великому князю Михаилу Федоровичу бил челом «казанской чувашенин» деревни Берсет Зюрейской дороги (с. Берсут, современный Мамдышский р-н РТ) Тогайко Беляков. В своей челобитной он писал, что проживает в Казанском уезде и службу служит с «казанской чувашой». В Уфимском

уезде в Юрминской волости (Казанская дорога) у него имелась вотчина «от деда и от прадеда, потому что я родом [баш]кирец и с той государя вотчины даю [...] кунной ясак на Уфу с юрминскими башкирцами»¹.

Возвращаясь к событиям, связанным с покорением народов Казанского ханства, отметим, что взятие Казани еще не означало окончание войны. Для подчинения местного населения, согласно Никоновской летописи, «сам государь послал по всем улусам (бывшего Казанского ханства. – *Р.И.*) черным людям ясачным жалованные грамоты опасные, чтобы шли к государю, не боясь ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, яко же и прежним Казанским царем» [24, с.221]. Но попытки «замирения» и сбора ясака привели к крупномасштабным выступлениям, приобретшим характер полноценных военных действий – «Казанской войны», в которой, наряду с татарами, приняли участие марийцы, чуваш и удмурты.

Хотя основным районом, в котором шли активные боевые действия, было Предкамье – «Горная сторона» и «Арская земля», Казанская война оказала сильное влияние и на жителей Закамья и Приуралья. Результатом подавления выступлений народов Среднего Поволжья стало хозяйственно-экономическое разорение региона и значительные людские потери. Красочной иллюстрацией этих событий являются писцовые книги второй половины XVI – начала XVII в., в которых в Предкамье фиксируется большое количество запустелых деревень и пашен – пустошей и пустопорожних земель. Естественным результатом военных акций и принудительной христианизации стало усиление миграции из Предкамья в бывшие восточные улусы Казанского ханства, которые не были затронуты войной. «Вскоре по завоевании Казани, – отмечал дореволюционный историк В.Н. Витевский, – многие из казанских татар и других инородцев, обитавших в пределах нынешней Казанской губернии, удалились в Башкирию и поселились в окрестностях нынешней Уфы, особенно в лесах и по берегам рек» [9, с.370].

В условиях военных действий ни о каком контроле над территорией Казанского края не могло быть и речи. Лишь в 1557 г. русские власти смогли озаботиться проблемой полноценного обложения местного населения ясаком и распределения бывших ханских земель. Для подчинения жителей Закамья и Приуралья был совершен демонстративный военный рейд до верховьев р.Камы. Именно с этими событиями было связано упоминание летописца о выплате ясака населением восточного улуса Казанского ханства. Эти действия с большой натяжкой могут считаться добровольным актом принятия местным населением московского подданства. На наш взгляд, это было вынужденным шагом, связанным с кардинальным изменением военно-политической ситуации в Волго-Уральском регионе во второй половине XVI в. Соответственно, ни о каком соглашении между двумя сторонами – представителем русского царя и его новыми подданными, предполагавшем предоставление последним особых прав в области землевладения, речи не шло.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1173. Оп.1. Д.298. Л.3.

По всей видимости, на страницах Никоновской летописи нашло отражение факт принятия русского подданства весьма ограниченной группой ясачного населения Приуралья, платившего ясак в Казань. Подчинение и обложение ясаком других групп населения Приуралья растянулось на довольно продолжительный отрезок времени. Наибольшие сложности у русской администрации возникли в восточной части будущего Уфимского уезда (Сибирская дорога). С восстановлением в 1563 г. династии Шибанидов на троне Сибирского ханства родоплеменные группы табынцев, терсяк, катайцев, сынрянцев, бикатинцев, айлинцев подтверждают свое подданство Чингизидам и начинают платить ясак хану Кучуму [28, с.83]. Наиболее крупные из них – табынцы, сынрянцы и бикатинцы – становятся основой вооруженных сил кучумовичей. Лишь после окончательного поражения Шибанидов во второй половине XVII в. последние группы этих племен, проживавших в Зауралье, признают власть московского царя.

Вплоть до 1680-х гг. зона военного и политического контроля Москвы в Приуралье имела весьма ограниченный характер. У русских властей был небольшой набор механизмов для закрепления на данной территории и подчинения местного населения. Основной проблемой было отсутствие свободных военных сил занятых в изнурительной Ливонской войне, а также опорных пунктов для продвижения и контроля на новой территории. Весьма символично в этом отношении делегирование некоторых функций государства купцам Строгановым, контролировавшим значительную территорию в районе верховьев р.Камы и Чусовой. В жалованной грамоте Я.А. Строганову от 1572 г. ему разрешалось «ходить войною на Черемис и Башкирцев и приводить их под высокую руку царскую» [33, с.63].

Контролировать население Приуралья и собирать с них ясак из Казани было крайне сложно. Казанская администрация, занятая подчинением народов Предкамья и закреплением в Западном Закамье, фактически не имела возможностей серьезно заниматься освоением и интеграцией Приуралья. В 1671 г. в Свияжском уезде вспыхивает восстание мари, вошедшее в историю как «Вторая Черемисская война» (1671–1674 гг.). Несмотря на поражение повстанцев, полностью подчинить народы Среднего Поволжья не удастся. В 1581 г. восстание приобретает еще более широкие масштабы. В «Третьей Черемисской войне» (1581–1585 гг.), наряду с марицами, активное участие приняли и другие народы региона – татары, удмурты, чуваша, а также ногаи. Для подавления выступления были привлечены существенные военные силы из Центральной России под руководством И.Мстиславского [7, с.19–22]. В данной ситуации контроль над восточными улусами Казанского ханства во многом имел символический характер.

Весьма ограниченные возможности Московское государство имело в продвижении в Западное Приуралье со стороны Верхнего Прикамья, где имелись крупные торговые и военные центры, контролировавшие «пушной путь» в Сибирь. По всей видимости, единственным крупным успехом чердынских воевод стало приведение в русское подданство и обложение ясаком жителей северной части будущей Осинской дороги Уфимского уезда. В «Шежере племени Гайна» говорится о зимнем походе Урак бия в Чердынь, где он прекло-

нил голову пред «падишахом», согласившись платить ясак по 1 кунице с каждого дома [15, с.58].

Точкой отсчета начала планомерной государственной колонизации и подчинения народов Западного Приуралья можно считать строительство в 1686 г. Уфимской крепости. Наиболее ранним источником по истории Уфы является «Отводная книга по Уфе», введенная в научный оборот московским археографом Н.Ф. Демидовой в 1971 г. Он включает коллекцию документов об отводе земель по Уфе с начала 1590-х гг. до 1624 г. Согласно этому источнику, первые отводы земель для жителей города произошли в 1591 г. [12, с.244–255]. Таким образом, Уфа была заселена не ранее конца 1580-х – начала 1590-х гг. В это время население города практически полностью состояло из городских служилых людей. Верхний слой горожан состоял из детей боярских (5 чел.), также здесь были представлены служилые татары, служилые новокрещены, воротники (служилые люди, обслуживавшие городские ворота) и стрельцы. Всего в конце XVI в. гарнизон Уфы составлял около 350 человек. Наряду со служилыми татарами, переведенными сюда с территории Казанского уезда, лица тюрко-татарского происхождения фиксируются среди служилых новокрещен и детей боярских [30, с.261]. Дополнительно, по грамоте 7106 г. (1598/1599 гг.), «по городу Уфе с дворянами и иноземцами» было повелено служить мещерякам [21, с.581]. Кроме городского населения, в начале 1590-х гг. в окрестностях Уфы фиксируется наличие слободских уфимских татар, проживавших в слободе на реке Урюзя (совр. территория г.Уфы).

Служилым людям были отведены поместья в окрестностях Уфимской крепости, опоясывавшие ее нешироким кольцом. По данным Н.Ф. Демидовой, в 1591–1594 гг. было испомощено 193 уфимских служилых людей, им было отведено около 1800 десятин пашни в трех полях и 1500 десятин сенокоса [13, с.268].

Со времени строительства Уфимской крепости начинает оформляться новая административно-территориальная единица – Уфимский уезд во главе с уфимским воеводой, подчинявшимся казанскому воеводскому управлению. Уфимская администрация (уфимский воевода, служащие уфимской приказной избы) имела широкую автономию в принятии решений на территории уезда. Местное население подчинялось и было подсудно только ему. Основным объектом управления уфимского воеводы было местное ясачное и служилое население, а главной задачей – распределение и сбор ясака, натуральных повинностей, обеспечение военного контроля над подвластной территорией.

Длительное время у Уфимского уезда отсутствовали четко очерченные границы, что вызывало споры в «пограничных» районах между жителями соседних уездов. Это было напрямую связано и с продвижением Русского государства на восток, освоением новых территорий и включением в подданство новых групп населения Приуралья. Если на западе естественной границей выступал Казанский уезд, то на востоке – территория кочевий Кучумовичей, то есть бывшего Сибирского ханства. С образованием в 1598 г. Верхнетурского уезда в его состав отошла часть территории Уфимского уезда по рекам Уфа и Чусовая [26, с.69–70]. К концу XVI в., наряду с Уфой, в одноименном уезде возникли другие административные центры – Оса, Каракулино.

В основу системы управления и административного деления Уфимского уезда, как, впрочем, и соседних владений, ранее входивших в состав тюрко-татарских государств (Казанского, Свияжского, Тобольского, Тюменского уездов), были положены традиции, заложенные здесь в золотордынскую эпоху. В XVII в. Уфимский уезд делился на 4 дороги (Казанская, Осинская, Ногайская, Сибирская). Дороги (даруги) являлись относительно самостоятельными областями тюрко-татарских ханств. Не вызывает сомнений связь административных областей – даруг – с главными транспортными трактами государства. Неслучайно понятие «дорога» в XVI–XVIII вв. имело как транспортно-географический, так и административно-управленческий смысл. Административные даруги формировались путем объединения селений, расположенных вблизи важнейших торговых артерий региона. Поскольку все тракты начинались в уездном центре и шли в разные световые направления государства, неудивительно, что административные даруги напоминали треугольники, касающиеся одним своим острием города. Это приводит к мысли, что территория даруг формировалась государственной властью, исходя из направления сухопутных трактов [11, с.293].

По мнению ученых, сам термин «даруга» имеет древнемонгольское происхождение, означает «стоять», «возвышаться над кем-то». Термин первоначально употреблялся для наименования высшего должностного лица, исполняющего различные функции по управлению той или иной территорией и отвечающего за сбор податей. Впоследствии этим словом начали называть и ту область, которой управляла даруга [29, с.228]. Даруги управлялись даруга-беками (монг. *даругачи*) – представителями высшей ханской администрации, проживавшими в своих резиденциях. Даруга-бек был наместником и ставленником хана, который осуществлял сбор ясака с жителей, руководил воинскими подразделениями, контролировал бесперебойное функционирование тракта, почтовых и ямских станций, проводил перепись населения, словом, имел широкий круг прав и полномочий для управления местным населением [32, с.30].

Время возникновения дорог в Уфимском уезде – вопрос дискуссионный, требующий дальнейшей научной разработки с привлечением комплекса разноплановых источников. На сегодняшний день наиболее аргументированной точкой зрения можно признать гипотезу Б.А. Азнабаева. В ходе исследования дел фондов «Уфимская приказная изба», «Печатный приказ», «Посольский приказ», «Спорные дела Генерального межевания» Российского архива древних актов (РГАДА) он пришел к выводу, что вплоть до 1631 г. не упоминается ни одна из четырех дорог Уфимского уезда. Появление данной административно-территориальной единицы, по мнению исследователя, было связано с мероприятиями казанского дворянина С.Т. Аристова и подьячего Б.Юрьева по фискальному учету ясачного и служилого населения Уфимского уезда в 1631–1635 гг. В целях эффективного контроля над значительно возросшим числом ясачного населения С.Т. Аристовым, с учетом опыта соседнего Казанского уезда, было предложено выделение в составе Уфимского уезда четырех дорог [2, с.31]. Таким образом, главной целью создания дорог Уфимского уезда стало облегчение фискального учета населения и сбора ясака, то есть они были созданы как податные округа.

Если согласиться с данным утверждением, то можно сделать вывод о том, что царской бюрократией конструировалась определенная модель управления местным населением, учитывавшая опыт тюрко-татарских государств позднего средневековья. Выделение территории дорог также было связано с ранее заложенными традициями фискальной политики Казанского и Сибирского ханств, а также Ногайской Орды. В зависимости от того, в чьем подчинении находилось местное население до вхождения в состав Московского царства, у него имелись сложившиеся обязательства по выплате ясака, что учитывалось уфимской администрацией при включении их в состав той или иной дороги.

В результате планомерного расширения контроля над территорией Приуралья в первой половине XVII в. происходит стабилизация границ Уфимского уезда. Параллельно идет процесс подчинения местного населения уфимской администрации, заключающийся в принесении шерти московскому царю, уплаты ясака и занесения плательщиков в специальные ясачные окладные книги. Соответственно, за ясачниками закреплялись определенные участки земли, с которых они должны были вносить в казну ясак. При этом данные земли, хотя и обозначались как «вотчины», не обязательно были их наследственными владениями. Так, в состав ясачных вотчин отошли значительные территории ниже Уфимской крепости по рекам Белая и Нугуш, освободившиеся после откочевки ногаев. В списке с грамоты, выданной юрматынцам сообщается, что «четыре человека от башкирцов, а именно Атяткачь, Каднай и Инзиктемир и Кармыш и пришедши себя объявили рабством своим и приклонились, что нас триста домов, и просили оставшиеся от перешедших нагаевских башкирцов земли по обе стороны Белой реки, верхней урочищ от устья Нугуш реки, нижней урочищ Кугашева гора и Белой реки мысом Кургунском кишу по обе стороны Белой реки текущими мелкими речками и вращками и степями и лесными угодьями и горами, за который платить им в казну сто куниц»². Данная просьба была удовлетворена: «Всех их пожаловать ногайским землями, чтоб платить ежегодно сто куниц, и Таткача бие пожаловал мурзою чином, Одная пожаловал старостой и пожаловал им кармазинным кафтаном»³. В результате «300 домов» юрматынцев получили значительные земельные владения с обязательством вносить в казну ясак в сто куниц, их «лучшие люди» были пожалованы чином мурзы и старосты.

Как уже отмечалось выше, одним из основных показателей признания русского подданства была выплата ясака. Если исходить из этого ключевого показателя, можно сделать вывод, что интеграция башкирцев в состав Московского государства не была завершена к началу XVII в. В это время отмечается сохранение «двойного» подчинения части ясачного населения Уфимского уезда. В 1601 г. уфимский воевода М.А. Нагой сообщал тюменскому воеводе Л.А. Щербатову, что 40 ногайских сборщиков продолжали собирать ясак «в Уфимском уезде с ясашных волостей с устья Белой Воложки до уфимские и аиские вершины и на Китайской волости» [4, с.45].

² РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.2817. Л.41.

³ РГАДА. Ф.1324. Оп.1. Д.2817. Л.41.

В 1607 г. в Уфимском уезде было проведено описание ясачных земель, сопровождавшееся уточнением ясачных окладов. Тем не менее, далеко не все ясачное население региона было записано в окладные книги. К 1629 г. в разрядных списках по Уфимскому уезду числилось 888 дворов, плативших ясак [1, с.53].

Для увеличения ясака и окончательного подчинения местного населения в 1631 г. в Уфу был направлен казанский дворянин С.Т. Аристов, получивший большой опыт в области оценки и размежевания ясачных земель в Казанском уезде. К 1635 г. ему удалось переписать и внести в ясачные книги 2217 дворов ясачных людей. Таким образом, число лиц, записанных и обложенных ясаком, то есть фактически вошедших в подданство московского царя, выросло в 2,5 раза. Мероприятия, осуществленные С.Т. Аристовым, сыграли не менее значимую роль в плане инкорпорации населения Приуралья в социально-политическое поле Русского государства, нежели события 1557 г. Это отразилось и в народной памяти. По всей видимости, именно эти события были зафиксированы в башкирских шежере, хотя и были перенесены на более раннее время.

Впрочем, успешное проведение «переписи» С.Т. Аристова не означало окончательного включения ясачного населения Уфимского уезда в систему фискального обложения Русского государства. Уфимский воевода, опираясь на города-крепости, продолжал контролировать ограниченную территорию. Военный контингент данных опорных пунктов был достаточен лишь для обозначения русского военно-политического присутствия и сбора ясака в «мирное» время. В случае вторжения номадов (джунгар (калмыков), сибирских татар, казахов) или волнений среди местного населения этих сил едва хватало для обороны самих крепостей.

Согласно разрядным книгам, в период управления уфимского воеводы И.И. Чичерина (1625–1628) в Уфе проживало 278 чел., из них 218 были стрельцами. В 1634 г. с назначением воеводой Н.Д. Вильяминава численность гарнизона увеличилась. С ним в Уфу прибыло 48 человек детей боярских. В это время в Уфе проживало 431 чел. Во время воеводства князя Волконского в 1660-х гг. в Уфе служили: детей боярских – 62, литвы и черкас – 22, новокрещен – 10, татар – 3, конных – 100 и пеших стрельцов – 200, всего – 397 чел. [18, с.8–11]. Такое незначительное количество военного гарнизона вынуждало центральные органы власти периодически во время военной угрозы присылать на Уфу дополнительные отряды стрельцов и служилых людей из Казани и центральных уездов. В 1688 г. для усиления уфимского гарнизона из Симбирска был отправлен крупный отряд служилых татар (мещеряков) [4, с.47].

Отдаленная от митрополии Уфа имела существенные сложности в транспортном сообщении с Казанью и Москвой, которое полностью нарушалось в годы «бунтов» и вторжений кочевников.

Уфа и другие русские города-крепости Уфимского уезда представляли из себя небольшие «островки» в бушующем тюрко-финно-угорском «море». Поэтому уфимские воеводы были вынуждены довольно аккуратно проводить курс по фискальному учету и ясачному обложению местного населения. Тем не менее, постепенный рост числа ясачных людей, усиление административ-

ного контроля и русского присутствия в Приуралье и Зауралье не могли не вызывать сопротивления населения и открытых выступлений против московского господства.

Данные выступления в XVII в., закрепившиеся в историографии под названием «башкирских восстаний», имели весьма широкую географию и охватывали разные группы ясачного и служилого населения Среднего Поволжья, Приуралья и Сибири. При этом роль башкирцев в организации и в самом ходе данных движений не всегда была ключевой. В связи с этим данное название имеет условный характер, на что справедливо указывают современные исследователи [8, с.115].

Главной консолидирующей силой в антимосковских движениях народов Приуралья в XVII в. выступали представители династии Шибанидов (наследники сибирского хана Кучума), а основной идеей – восстановление татарского юрта. Первое крупное выступление произошло в 1633–1635 гг. в разгар проведения переписи С.Т. Аристов. Его возглавили внуки хана Кучума царевичи Аблай и Тевкель, стремившиеся для восстановления своего влияния в Приуралье использовать недовольство ясачного населения региона. В 1633 г. «Кучюмовы ж внучата, а с ним государевы изменники тарские и уфимские татаровя приходили в Уфимский уезд и громили Алыбаевы юрты [...] и ходили воевать в Уфимский уезд не по одно время» [23, с.448]. Таким образом, первоначально данное выступление началось за пределами Уфимского уезда, но было поддержано частью уфимских татар. В ставку кучумовичей переходит и часть недовольных московской политикой башкирцев. В 1655 г. Аблай при поддержке калмыков осадил Уфу и разрушил слободу уфимских татар, оставшихся верными русской администрации. Не сумев взять город, Аблай отступил в верховья р.Уфы, где ему было нанесено поражение отрядом стрелецкого головы Федора Каловского. Но военные действия продолжались, перекинувшись на территорию Зауралья. В 1636 г. в грамоте тюменскому воеводе И.Львову сообщалось, что «колматцкие люди и Кучюмовы внучата и наши изменники тарские и уфимские татарове хотят походить на Тюмень и под Тару и под слободы войною многими людьми» [23, с.435].

Несмотря на то, что кучумовичи не смогли добиться существенных результатов, данное движение наглядно показало усиление сопротивления населения Приуралья действиям русских властей, их поддержку чингизидам, наследникам сибирских ханов. Не менее серьезной угрозой для русского господства в Приуралье было появление новой военной силы – калмыков, стремившихся с помощью кучумовичей подчинить население региона своей власти. Это привело к осознанию московской администрацией необходимости укрепления военной инфраструктуры как для усиления своих позиций в регионе, так и для интенсификации процесса колонизации региона, без чего было невозможно рассчитывать на прочную интеграцию данной территории в социальную «ткань» Русского государства. Для этого в 1650-х гг. начинает реализовываться проект по строительству Закамской засечной линии (черты).

Возведение данного сложного фортификационного сооружения осуществлялось под руководством Н.И. Одоевского, назначенного в 1651 г. воеводой в Казань. По его приказу служилые люди Степан Змеев и Григорий

Львов, изучив местность, составили чертежи и план строительства укреплений. Эти документы были отправлены на утверждение в Москву, в Приказ Казанского дворца. Строительные работы начались в 1652 г. и завершились осенью 1656 г. В результате была построена сложная сеть укреплений, включавшая в себя остроги, защищенные тыном, а также города-крепости, окруженные стенами, рвами и надолбами. Между укреплениями протянулись многокилометровые террасные валы, вдоль которых устраивались рвы, в лесах делались засеки. В некоторых местах в оборонительную линию включались валы, возведенные здесь еще во времена Волжской Булгарии [17, с.33].

Для работы по возведению Закамской черты было привлечено ясачное население Казанского уезда. В первые годы для работы «в степь» брался один человек с 6 дворов. По мере построения черты сюда переселялось земледельческое население «на вечное житье». Свое начало Закамская линия брала от р.Волги, где была возведена крепость Белый Яр, затем тянулась к р.Ерыклы, притоку р.Большой Черемшан, где был поставлен острог Ерыклинский. Далее от Ерыклинского острога она проходила к р.Тия, до Тиинского острога, и рекам Большой и Малый Черемшан, к р.Шешме. Здесь был построен Шешминский острог (Новошешминск). От Шешминского острога черта тянулась к р.Кичуй, к Кичуйскому острогу, и дальше к р.Зай и к Заинской крепости. Продолжалась на р.Мензели возле Мензелинской крепости и завершалась на р.Ик [19, с.58–77].

Наиболее важной в военном отношении крепостью на Закамской черте являлся Мензелинск. Он был построен немного выше старого Мензелинского острога, возведенного в 1584–1586 гг. для сбора ясака и защиты населения Закамья от набегов кочевников. Выгодное географическое положение способствовало превращению его в важный центр колонизации Приуралья.

Хотя основная часть Засечной черты проходила по территории Закамья, ее строительство имело большое значение в укреплении московских позиций в Приуралье. Уфа получила относительно безопасный путь сообщения с Казанью и Москвой, был значительно усилен и военный потенциал в регионе. Именно со строительством Закамской черты начался процесс массовой государственной и вольной колонизации Восточного Закамья и Западного Приуралья.

Наряду со строительством крепостей для предотвращения сопротивления и окончательного подчинения жителей Приуралья внедряется институт аманатства (заложенничества). В начале 1660-х гг. уфимским воеводой Волконским было велено с каждой дороги собрать по 12 аманатов, а также 2 аманата с «Ицких волостей». В качестве аманатов выбирались «лучшие люди» [14, с.232–233]. Первоначально заложников направили в Мензелинск, а затем в Казань. Но в 1664 г. по просьбе башкирцев они были переведены в Уфу. Институт аманатства сохранялся и в последующее время, вплоть до 1740-х гг. Периодически происходила ротация аманатов. Аманатство как форма подчинения завоеванных народов было заимствовано Русским государством из ордынской традиции. Оно преследовало те же цели – подчинение и удержание в покорности местное население, недопущение восстаний.

Результатом усиления русского военного присутствия и административного контроля, а также внедрения института аманатства стал рост сопротивления и открытых выступлений населения Приуралья и Зауралья. На начальном этапе основным эпицентром движения было Верхнее Приуралье, где у кучумовичей традиционно была сильная поддержка среди местного населения. Наряду с ясачным населением Приуралья активное участие в движении приняли татары Волго-Вятского края. 16 сентября 1663 г. верхнотурский воевода Иван Камынин доносил: «А завоевались де уфинские и сылвенские и казанские и вятские и уржумские татаровя, да с ними же де татары литовских людей человек сто пятьдесят, а подговаривает де татар воевать Сары-Мергенко [...] и все у них по сговору с крымским царем, а в Сибирь де у них татар отряжено воевать двадцать тысяч бойцов» [16, с.289]. Повстанцы захватили Кунгурский острог, разорили местные монастыри.

Движение постепенно перекинулось в Зауралье и Западное Предкамье. В Уфимском уезде повстанцы захватили с.Архангельское, на месте которого в 1667 г. была возведена русская крепость Бирск, осадили Уфу в Закамье – разрушили Челнинский острог и осадили Мензелинск, а также совершили стремительные рейды вглубь территории Казанского уезда, нанося поражение русским отрядам. Для подавления восстания в Приуралье из Астрахани был отправлен думный дворянин Замятня Левонтьев во главе большого войска, состоявшего из служилых иноземцев, драгун, стрельцов, дворян и детей боярских [31, с.103]. Наряду с русскими войсками против восставших выступили калмыки, стремившиеся использовать данное движение в своих целях. Оказавшиеся между двух огней повстанцы, действовавшие в Приуралье, были вынуждены пойти на переговоры с русскими властями и прекратить восстание [27, с.561].

Тем не менее, сопротивление народов Приуралья росту русской колонизации отмечается и в последующие десятилетия. В 1669 г. восставшие осаждают Заинск, в 1670 г. нападают на Самару, в 1682 г. осаждают Уфу. Как и ранее в военных действиях, принимают участие разные группы ясачного и служилого населения Волго-Уральского региона. В конце июня 1682 г. Уфа находилась «в осаде от мордвы, черемис и башкирцев», вставшие «многое время к Уфе приступают, а тех де воинских людей 30 тысяч, а казанские пригороды повоевали 7 пригородов» [3, с.112]. Главной целью восставших было уничтожение важнейших русских военных опорных пунктов в Закамье и Приуралье, посредством которых русские власти осуществляли расширение своего контроля над данной территорией.

В северном Предкамье башкирцы совместно с мордвой осадили Кунгур, строгановские остроги на р.Сылва [22, с.206], в Зауралье – Катайский и Колчеданские остроги [3, с.118–119]. Восстание было поддержано кучумовичами (султаном Хасаном) и калмыками Аюка-тайши, которые зашли на территорию Уфимского уезда. Только в 1683 г. после мобилизации значительного военного контингента и признания Аюка-тайшой русского подданства восстание пошло на спад и окончательно завершилось к 1684 г.

Таким образом, присоединение Приуралья к Русскому государству и признание местным населением подданства московского царя заняли продол-

жительное время и напрямую коррелировались с расширением военного присутствия Москвы, а также усилением русской колонизации региона. Этот процесс сопровождался сопротивлением местных жителей, периодически перераставшим в открытые военные действия. Ясачное население Уфимского уезда стремилось сохранить статус-кво – положение, сложившееся еще при татарских правителях. С этим был связан проект реставрации татарского юрта в Приуралье, ставший идеологической основой антимосковских движений в регионе в XVII в. во главе с наследниками сибирского хана Кучума.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
2. *Азнабаев Б.А.* К вопросу об административно-территориальном делении Уфимского уезда в XVII в. // Башкирское общество конца XVI–XVIII в. по документам Уфимской приказной избы: сборник документов. Уфа: ИЯЛИ УНЦ РАН, 2015. С.20–35.
3. *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII – начала XVIII вв. Уфа: Китап, 1993. 224 с.
4. *Амирханов Р.Х.* К истории Уфимского края. Альметьевск, 2013. 80 с.
5. *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
6. Башкирские шежере / сост. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1960. 305 с.
7. *Боровиков С.В.* Третья Черемисская война 1581–1585 годов // Актуальные вопросы военной истории: Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 года. Киров: ФГБОУ ВПО Вятская ГСХА, 2013. С.19–22.
8. *Васьков Д.А.* Потомки Кучума в XVII в. и их роль в организации антирусских выступлений на Южном Урале и в Западной Сибири // «Актуальные вопросы философии, истории и политологии»: Материалы международной заочной научно-практической конференции. Ч.1 (10 марта 2011 г.). Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ», 2011. С.114–120.
9. *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Т.II. Казань, 1897. 291 с.
10. *Габдуллин И.Р.* К вопросу об этносословной структуре тюркского населения Уфимского уезда и губернии в XVII–XIX вв. // Большая ложь историков Башкортостана (К вопросу о формировании сословия «башкир вотчинников» в северо-западном Приуралье). Казань: Изд-во «ЯЗ», 2010. С.11–34.
11. *Галлям Р.Ф.* Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». 5 февраля 2002 г. Казань, 2002. С.280–316.
12. *Демидова Н.Ф.* Древнейший источник по истории Уфы // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С.253–258.
13. *Демидова Н.Ф.* Землевладение и землепользование в Уфимском уезде в XVI–XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С.265–274.

14. Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. 1961. Т.68. С.211–237.
15. Долоткозина С.Х. Шежере башкир племени гайна о присоединении к Русскому государству // Источники и источниковедение истории и культуры Башкирии. Уфа, 1986. С.58.
16. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею (ДАИ). Т.4. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. 452 с.
17. Ермаков В.В. Строительство и заселение Закамской оборонительной черты // Восточное Закамье в XVII веке: сборник документов и материалов / сост. В.В. Ермаков, Ю.Н. Иванов. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006. С.32–43.
18. Ефремов В. Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII в. // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1913. №1.
19. Ивонин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Императорского русского общества на 1851 год. Ч.1. Кн.1. СПб., 1851. С.58–77.
20. История башкирского народа: в 7 томах / гл. ред. М.М. Кульшарипов. Т.3. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.
21. Материалы по истории Башкирской АССР (МИБ). Т.V. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 783 с.
22. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч.1. М.: Изд-во АН СССР. 494 с.
23. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.
24. Полное собрание Русских летописей (ПСРЛ). Т.XIII. Половина 1-ая. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
25. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения / отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1988. 188 с.
26. Самигулов Г.Х. Южное Зауралье (первая треть XV – конец XIX века) // История Южного Урала: в 8 т. Т.6. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. С.61–89.
27. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. Кн.VI. Т.11–12. М.: Мысль, 1991. 556 с.
28. Таймасов С.У. Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 344 с.
29. Татарская энциклопедия. Т.2. Казань, 2005. 656 с.
30. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629) / сост. Н.Ф. Демидова // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С.260–351.
31. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 годов // Исторические записки. Т.24. М., 1947. С.30–110.
32. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. 180 с.
33. Шамигурина И.В. История рода Строгановых в работах Ф.А. Волегова // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб.1. Свердловск, 1974. С.58–67.

Информация об авторе:

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Поступила 05.09.2023

Принята к публикации 29.09.2023

**On the issue of the entry of the Western Urals into the Moscow state
(second half of the 16th–17th centuries)**

R.R. Iskhakov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication provides a retrospective analysis of the integration of the territory of the Western Urals into the Moscow State in the 16th – 17th centuries. The author comes to the conclusion that the annexation of this territory and the peoples inhabiting it was complex, multi-vector in nature and took a long time. This process is considered as a gradual expansion of the military-administrative infrastructure of the Russian state to the east and the inclusion of the local population in the yasak taxation system.

Keywords: Western Urals, Bashkirs, Ufa, Trans-Kama region, yasak

For citation: Iskhakov R.R. On the issue of the entry of the Western Urals into the Moscow state (second half of the 16th – 17th centuries). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.4, pp.18–34. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-4.18-34> (In Russian)

REFERENCES

1. Aznabaev B.A. *Bashkir society in the 17th – first third of the 17th centuries: monograph*. Ufa: Bashkir State University, 2016. 370 p. (In Russian)
2. Aznabaev B.A. On the issue of the administrative-territorial division of the Ufa district in the 17th century. *Bashkir society of the late 16th – 17th centuries. According to the documents of the Ufa Prikaz Izba: collection of documents*. Ufa: Institute of History, Language and Literature of USC RAS, 2015. Pp.20–35. (In Russian)
3. Akmanov I.G. *Bashkir uprisings of the 17th – early 18th centuries*. Ufa: Kitap Publ., 1993. 224 p. (In Russian)
4. Amirkhanov R.Kh. *On the history of the Ufa region*. Almet'yevsk, 2013. 80 p. (In Russian)
5. Asfandiyarov A.Z. *Bashkiria after joining Russia (second half of the 16th – first half of the 19th century)*. Ufa: Kitap Publ., 2006. 504 p. (In Russian)
6. *Bashkir shezhere*. Compiled by R.G. Kuzeev. Ufa, 1960. 305 p. (In Russian)
7. Borovikov S.V. The Third Cheremis War of 1581–1585. *Current issues of military history: Collection of proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812*. Kirov: Vyatka State Agricultural Academy, 2013. Pp.19–22. (In Russian)

8. Vaskov D.A. Descendants of Kuchum in the 17th century and their role in organizing anti-Russian protests in the Southern Urals and Western Siberia. *"Current issues of philosophy, history and political science": Materials of the international correspondence scientific and practical conference. Part I (March 10, 2011)*. Novosibirsk: ENSKE Publ., 2011. Pp.114–120. (In Russian)

9. Vitevsky V.N. I.I. Neplyuev and the Orenburg region in its former composition until 1758. Vol.2. Kazan, 1897. 291 p. (In Russian)

10. Gabdullin I.R. On the issue of the ethnic class structure of the Turkic population of the Ufa district and province in the 17th–19th centuries. *Big lie of historians of Bashkortostan (On the issue of the formation of the class of "Bashkirs of patrimonial land" in the northwestern Urals)*. Kazan: YAZ Publ., 2010. Pp.11–34. (In Russian)

11. Galliam R.F. Administrative darugs of the Kazan Khanate: experience of reconstruction. *Kazan Khanate: current problems of research. Materials of the scientific seminar "Kazan Khanate: current research problems". February 5, 2002*. Kazan, 2002. Pp.280–316. (In Russian)

12. Demidova N.F. The oldest source on the history of Ufa. *From the history of feudalism and capitalism in Bashkiria*. Ufa, 1971. Pp.253–258. (In Russian)

13. Demidova N.F. Land ownership and land use in Ufa district in the 16th–17th centuries. *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe*. 1962. Minsk, 1964. Pp.265–274. (In Russian)

14. Demidova N.F. Administration of Bashkiria and duties of the population of the Ufa province in the first third of the 18th century. *Historical notes*. 1961, vol.68, pp.211–237. (In Russian)

15. Dolotkozina S.Kh. Shezhere Bashkirs of the Gaina tribe about joining the Russian state. *Sources and source studies of the history and culture of Bashkiria*. Ufa, 1986. P.58. (In Russian)

16. Additions to historical acts, collected and published by the Archaeographic Commission. Vol.4. St. Petersburg: Eduard Pratz Publ., 1851. 452 p. (In Russian)

17. Ermakov V.V. Construction and settlement of the Trans-Kama defensive line. *Eastern Trans-Kama in the 17th century: collection of documents and materials*. Compiled by V.V. Ermakov, Yu.N. Ivanov. Kazan: Kazan State University, 2006. Pp.32–43. (In Russian)

18. Efremov V. From the history of the Ufa region. Ufa region at the end of the 16th and 17th centuries. *Bulletin of the Orenburg educational district*. Ufa, 1913. No.1. (In Russian)

19. Ivonin M.I. Description of the Zakamsky lines. *Bulletin of the Imperial Russian Society for 1851*. Part 1. Book 1. St. Petersburg, 1851. Pp.58–77. (In Russian)

20. *History of the Bashkir people: in 7 vol.* Ed. by M.M. Kulsharipov. Vol.3. Ufa: Gilem Publ., 2011. 476 p. (In Russian)

21. *Materials on the history of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic*. Vol.5. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960. 783 p. (In Russian)

22. *Materials on the history of the Bashkir ASSR*. Vol.4. Part 1. Moscow: USSR Academy of Sciences. 494 p. (In Russian)

23. Miller G.F. *History of Siberia*. Vol.1. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 607 p. (In Russian)

24. Complete collection of Russian Chronicles. Vol.13. Half I. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov Publ., 1904. 302 p. (In Russian)

25. Rakhmatullin U.Kh. Population of Bashkiria in the 17th–18th centuries. *Issues of formation of the non-Bashkir population*. Ed. by N.I. Pavlenko. Moscow: Nauka Publ., 1988. 188 p. (In Russian)

26. Samigulov G.Kh. *Southern Trans-Urals (first third of the 15th century – end of the 19th century)*. History of the Southern Urals: in 8 volumes. Vol.6. Chelyabinsk: South Ural State University, 2019. Pp.61–89. (In Russian)

27. Soloviev S.M. History of Russia since ancient times. *Works*. Book VI. Vol.11–12. Moscow: Mysl Publ., 1991. (In Russian)

28. Taimasov S.U. *Bashkir-Kazakh relations in the 18th century*. Moscow: Nauka Publ., 2009. 344 c. (In Russian)

29. Tatar encyclopedia. Vol.2. Kazan, 2005. 656 p. (In Russian)

30. Text of the “Diversion Book for Ufa” (1591/92–1629). Compiled by N.F. Demidova. *From the history of feudalism and capitalism in Bashkiria*. Ufa, 1971. Pp.260–351. (In Russian)

31. Ustyugov N.V. Bashkir uprising of 1662–1664. *Historical notes*. Vol.24. Moscow, 1947. Pp.30–110. (In Russian)

32. Fedorov-Davydov G.A. *Social system of the Golden Horde*. Moscow, 1973. 180 p. (In Russian)

33. Shamshurina I.V. The history of the Stroganov family in the works of F.A. Volegova. *Auxiliary historical disciplines*. Collection 1. Sverdlovsk, 1974. Pp.58–67. (In Russian)

About the author:

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X; e-mail: ishakovist@gmail.com

Received September 5, 2023

Accepted for publication September 29, 2023